

ЖИВОЙ ИНТЕРЕС К ИСКУССТВУ

срывов, а главное — сколько труда, бесконечного, восторженного большого труда, благодаря которому только и можно проникнуть в тайны искусства, научиться доставлять радость не только себе, но и другим.

30 лет творческой деятельности А. ОРФЕНОВА

Помню, как к К. С. Станиславскому подошел заведующий труппой П. Румянцев и стал что-то шептать вполголоса. Это делалось из почтительности, а Станиславский, чтобы подчеркнуть, что шептаться в присутствии третьих лиц невоспитанно, тут же громко повторил несколько фраз, сказанных П. Румянцевым. «Что? Послушать молодого тенора? Еще нигде не поет? Никем не испорчен? А есть ли что-нибудь, кроме голоса? Какие внешние данные? Какие глаза? Что вы в них прочли с первого взгляда?».

А. Орфенов все это прекрасно знает, поэтому особенно ценно, что сейчас он с нами, что он возглавляет нашу оперную труппу как руководитель.

Когда во главе оперной труппы тенор, проживший интересную, насыщенную и красивую творческую жизнь, на мой взгляд, это очень хорошо, это — традиция. В Большом театре во главе оперной труппы были тенора Л. Собинов, С. Лемешев, А. Богданович, Н. Ханаев, В. Кильчевский, Т. Черняков. Особенно ценно, когда во главе труппы стоит артист, которому никогда не надо было доказывать, что он — хорошище, чего-то достоин, говорить о том, что его недооценивают и так далее. Не имея в этом необходимости в течение всей своей творческой жизни, такой артист на посту руководителя соответствующим образом расценивает

толий Иванович Орфенов. Пока Станиславский всматривался и «читал у него в глазах», я всматривался и «читал в глазах» у Станиславского. У меня уже тоже глаз был пристрелян, и я знал, что, когда Станиславский подчеркнуто вежлив и благовоспитан, — это для того, чтобы удобнее было отказать. Но бывали случаи, когда гениальный актер не мог скрыть своей радости, приятного сюрприза (не мог скрыть от нас только, конечно, потому, что мы его изучали, знали и понимали, что какая-нибудь лишняя ненужная складка в его улыбке может надолго испортить нам настроение). И в этом первом взгляде Станиславского, брошенном на молодого, начинающего певца А. Орфенова, можно было прочесть очень многое.

Читателю не нужно фантазировать: взгляните сегодня, спустя тридцать лет, в глаза А. Орфенову, свяжите этот взгляд со скромной, застенчивой улыбкой, и вы увидите именно то, что заставило Станиславского тридцать лет назад на какое-то мгновение забыть, что он гениальный актер.

Я все это вспоминаю сегодня, потому что и сегодня Анатолий Иванович Орфенов с нами, потому что и сегодня мы находимся в постоянном общении с этим талантливейшим артистом и прекрасным человеком.

Что же произошло за эти минувшие тридцать лет?

Я не могу написать биографию А. Орфенова (для этого есть штатные специалисты, и не только в отделе кадров). Могу только сказать, что дальше после первой встречи с К. С. Станиславским все было очень «просто»: сначала маленькие партии, потом побольше, затем большие. Сначала зрители и слушатели не очень-то доверяли — почему на сцене появился совсем неизвестный молодой человек; потом удивлялись — почему А. Орфенов так отлично поет и играет, а затем привыкли к тому, что А. Орфенов — великолепный, гервоклассный тенор, что он и поет и играет очень хорошо.

Вскоре А. Орфенов перешел в Большой театр на тот же первый репертуар, только значительно в большем объеме. Одним словом, все было так просто и обыкновенно, что и рассказывать-то не о чем.

Сейчас, по прошествии тридцати лет, легче всего думать, что у человека был талант и все совершилось само собой. Тем более что сейчас у Анатолия Ивановича юбилей, а на юбилее полагаются цветы и речи, в которых обычно жизнь юбиляра живописуется как жизнь, прошедшая в цветах (ничего больше и не было!). Конечно, во внеюбилейной обстановке А. Орфенов мог бы нам рассказать, сколько, кроме цветов, было забот, огорчений,

А. Орфенов в роли Индийского гостя («Садко»).

все подобные притязания и самовосхваления. Вместе с тем артист с биографией, подобной А. Орфенова, умеет, как никто, увидеть и услышать в другом не раскрытые еще возможности, по-товарищески подтолкнуть, поддержать, предостеречь.

Я поздравляю Анатолия Ивановича Орфенова с тридцатилетним юбилеем его славной непрекращающейся творческой жизни. Но юбилей сам по себе в сущности дело малоинтересное. А вот прожить такую интересную артистическую жизнь и не потерять спустя тридцать лет живого интереса к своему искусству, завоевывать все больший авторитет среди своих товарищей и при всем том сохранить тот самый взгляд, который когда-то в первое же мгновение так много сказал Станиславскому, — это совсем другая музыка.

Б. ХАЙКИН,
народный артист РСФСР,
профессор.

А. Орфенов в роли Ленского («Евгений Онегин»).

У Станиславского всегда была такая импровизированная «анкета» для вновь поступающих; она существенно отличалась от наших нынешних анкет, значительно более совершенных и обстоятельных, но, увы, гораздо меньше говорящих уму и сердцу художника.

Опять ответы П. Румянцева вполголоса, недоверчивый и озлобленный взгляд Станиславского (на его необычные и интересные вопросы надо было очень хорошо попадать с ответами; особенно Станиславский не любил, когда ему отвечали готовыми формулами из его системы). Очевидно, П. Румянцев ответил, как надо было, потому что через пять минут в кабинете Станиславского появился молодой человек, почти юноша, в сопровождении своего почтенного педагога.

К стыду своему, я сейчас не могу вспомнить его фамилию, хотя этот педагог, не преподававший ни в одном учебном заведении, не раз удивлял своими неожиданными открытиями — не в области вокальной техники, а в гораздо более трудной области распознавания таланта в человеке, пока что еще совершенно чуждом всякому искусству. Не запомнив его фамилии, я зато хорошо помню фамилию молодого человека, которого он на этот раз привел к Станиславскому. Это был Ана-

22 сентября в антракте спектакля «Пиковая дама» состоялось чествование А. Орфенова в связи с 30-летием его творческой деятельности.

На снимке: во время чествования А. Орфенова в квадратном фойе.